

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. С. А. Ситникова

г. Тверь, Россия

РЕЛИКТЫ ЗМЕИНОГО КУЛЬТА В ТВЕРСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: Статья посвящена изучению реликтов змеинового культа в тверской традиционной народной культуре и основана на материале многолетних фольклорно-этнографических экспедиционных исследований Тверского края, которые проводились автором совместно со студентами и преподавателями кафедры Народного художественного творчества Государственной академии славянской культуры (филиал в г. Твери). Современные экспедиционные исследования, а также публикации о тверской традиционной народной культуре прошлых лет позволили выявить уникальный материал, содержащий отголоски мифо-поэтических представлений и ритуальных практик, связанных с образом змеи в самых разных зонах фольклорной культуры. В статье последовательно изложены и по возможности интерпретированы с учетом современных научных знаний фольклорно-этнографические свидетельства былого сакрального отношения к образу змеи, отголосочно сохранившегося в тверской традиционной народной культуре. Логика изложения определена рядом орнаментальных вариантов тверских образцов декоративно-прикладного традиционного творчества, содержащих в своем оформлении змеиные мотивы, а также структурой традиционного народного календаря, в рамках которого представлены календарные фрагменты с проявлением отголосков змеинового культа в тверской весенней, масленичной и зимней обрядности. Информация, полученная из уст тверских старожилов, в соответствии с требованиями современной фольклористики, изложена в статье с максимально возможной сохранностью диалектных особенностей речи информантов и точным обозначением географической зоны и времени записи.

Ключевые слова: тверской календарный обряд, змеиный культ, обрядовая выпечка, домовый декор, «полотняный» фольклор, знаки «змеинового» орнамента: «спираль», «S-образный знак», «узел», «винт».

Информация об авторе: Светлана Алексеевна Ситникова — кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры (филиал в г. Твери), Смоленский пер., д. 1/2, 170100 г. Тверь, Россия. E-mail: mvgask@mail.ru

Дата поступления статьи: 02.02.2018

Дата публикации: 15.09.2018

Для цитирования: Ситникова С. А. Реликты змеинового культа в тверской традиционной культуре // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 94–106.

Змеиная тема в традиционной культуре Тверской земли в скрытом или проявленном виде дает о себе знать буквально повсюду. Мифопоэтический образ змеи обильно зафиксирован во внешнем декоре домов, построенных до 50–60-х гг. XX в.; змеиные образы часто встречаются в тверских народных сказках; великолепно богат орнаментальным изображением змей и тверской, так называемый «полотняный» фольклор (вышитые полотенца, кружева на полотенцах и подзорах); змеиная тема рельефно читается в тверской календарной обрядности (ранневесенняя выпечка, масленичная игра, украшение новогоднего дерева).

Змеиные мотивы в домовом декоре. Дома тверичей и жителей большинства районов Тверской области, построенные до 50–60-х гг. XX в., в огромном количестве сохранили так называемый змеиный орнамент во внешнем оформлении. К такому орнаменту относятся, прежде всего, спирали и S-образные знаки в украшениях наличников и фронтонов домов¹. Спиралевидный и S-образный деревянный домовый узор зафиксирован нами в фольклорно-этнографических экспедициях в Андреапольском, Торжокском, Вышневолоцком, Осташковском, Кашинском и других районах Тверской области.

Кроме стилизованных змеиных орнаментов, в традиционном домовом декоре на тверской земле встречаются довольно реалистичные изображения змей, в которых отмечены не только характерные изгибы змеиного тела, но и отчетливо видны голова, глаза и даже открытый рот (ил. 6, № 1, 2).

Стилизованные змеиные орнаментальные элементы (в виде змей, свернутых в спирали и извивающихся змей в виде S-образных завитков и двойных спиралей) встречаются на наличниках и фронтонах домов в самых разных сочетаниях, в том числе и с реалистичным изображением змеек. То есть в декоре одного дома или даже одного наличника могут наличествовать и спирали, и двойные спирали с разновидностями (от спиралевидных до так называемых «гуськов»), и изображения настоящих змеек-ужиков (ил. 6, № 3).

Возникновение змеиного культа, а следовательно, и традиции изображения змеек на жилище, как и вообще спирально-змеиного орнамента, ученые надежно возводят к эпохе древних оседлых земледельцев, когда в числе новых идей появилась идея священности жилища и домашнего очага [15, с. 161]. В своем знаменитом труде, посвященном язычеству древних славян, Б. А. Рыбаков утверждает, что в земледельческом искусстве неолита спирально-змеиный узор не просто занимает видное место, широко распространившись как географически, так и функционально, но стал одним из важных составляющих ритуального орнаментального комплекса, одна из граней которого отражает представление об ужах-покровителях, охраняющих жилище в частности от мышей [15, с. 170].

Осмысление традиционного домового орнамента со змеиной тематикой, который фиксируется в наши дни, требует учета следующего культурно-исторического обстоятельства. Поскольку световое (косячатое) окно (в отличие от маленького — в один диаметр бревна — смотрового) в русском доме появилось довольно поздно (XIII–XIV вв.), и даже в XVIII в. три косячатых окна в русской деревне считались роскошью, то могут возникнуть сомнения в архаичности традиции орнаментального оформления наличника. Размышляя об этом, надо иметь в виду, что наличник, в том числе и украшенный узорами, появился, конечно, лишь с появлением окна. Но традиция защищать жилище

¹ Толковать спиральный и S-образный орнамент как змеиный одним из первых предложил академик Б. А. Рыбаков на основе последовательно выстроенных аргументов [14, с. 35–36].

разными способами, включающая также и магические, т. е. с помощью сакральных орнаментальных изображений, является ровесницей самого жилища. И если первоначально, в глубокой древности, змей-покровителей изображали на земляном полу (перед началом строительства дома), на стенах, на фронтонах и крышах домов, то с появлением световых окон змеиные орнаменты, сохраняя защитные функции, заполнили и наличники.

Настаивать на древнем характере связи домостроительства с культом змей-покровителей дома позволяют археологические находки, среди которых — глиняные миниатюрные таблички-модели дома со схематически нанесенным на них змеиным узором: спирали и «две соприкасающиеся головами змеи») [15, с. 165].

Важным основанием предполагать мифоритуальное единство идей, лежащих в основе «змеиного» культа неолитического времени, и представлений, которыми руководствовались, начиная с XIII в., мастера-резчики, оформляющие змеиным узором дома и наличники, является комплекс дошедших до нас различных фольклорно-этнографических текстов (как вербальных, акциональных, так и предметных), содержащих рудименты существовавших некогда архаичных мифологических воззрений на змей как на предков-покровителей, в которых часто угадывается признаки божественного, священного статуса.

Ужи-«господарики», охраняющие жилище, известны всем восточным славянам. И сегодня змеи, а тем более ужи, поселившиеся вблизи человеческого жилья, считаются счастливым знаком. Идея об охранной, покровительствующей семье, жилищу функции змеи, ужа обильно сохранилась, например, на вербальном уровне. В русском языке слова ужик, родня, родственник, связанный узами родства, свойства [6, с. 477] являются синонимами, что, несомненно, является застывшим реликтом былых мифологических представлений о змеях-покровителях-предках.

Об этом же недвусмысленно свидетельствуют и множественные образцы малых жанров восточнославянского фольклора — загадки, пословицы, присловья (пословица «Жена да муж — змея да уж»; загадки о поясе, который, как известно, в славянской культуре обладает высоким апотропеическим значением: «Надену — ободом сведет, сойму — змеей упадет»; «Жены же обложены ужами (т. е. поясами)» [6, с. 476].

Тексты многочисленных народных преданий о двух змеях, живущих в одном доме и оберегающих хозяйку и хозяина, зафиксированные исследователями в XVIII–XXI вв., представляют собой поразительное, практически буквальное совпадение по смыслу с текстами орнаментов на неолитических глиняных табличках-моделях жилища и на сосудах, изображающих двух змей, соприкасающихся головами и образующих единую спиралевидную или меандровую фигуру. Как правило, такая спиралевидная или извилистая фигура расположена в зонах, символизирующих плодородие (на груди, на чреве женских глиняных фигурок) и на самых уязвимых, незащищенных местах человеческого жилища, прежде всего, вокруг окон, принимая на себя функцию оберега. Само название ужа в славянских языках — «домовик» (у русских) — свидетельствует о глубокой традиции почитания змей или ужей как благодетельных защитников семьи и жилища.

В упомянутых народных преданиях позднего (по сравнению с неолитическим) времени читается тот же смысл: «В некоторых деревнях утверждают <...>, что в каждом доме живут две большие змеи; окруженные детенышами, они являются таинственными представителями хозяйской семьи. Если будет убит змей-самец, то немедленно умирает хозяин дома, а если самка — то смерть постигает хозяйку. Змеи эти оберегают

дом и принадлежащие к нему владения от всякого несчастья и заботятся, чтобы все было сохранно» [1, с. 540].

В тверских поверьях сохранились представления об ужах, которые не только способны оберегать жилой дом от мышей, но склонны по своей воле покровительствовать человеку: «В Молоковском р-не рассказывали, что “уж” сам может предложить службу. Для этого он приносит мышонка и кладет в окошко за домом (в кошачий лаз); если мышонка принять, то “уж” начинает носить “добро”» [3, с. 50]. Поэтому на территории многих центральных и северных земель России, в частности в Тверской области, существует освященный древней традицией неписанный запрет убивать змей и ужей [10, с. 166].

Наряду с функцией защиты дома и домочадцев змеи и ужи в представлении восточных славян заведуют благотворной для земледельческих работ влагой, от которой напрямую зависит урожай и вообще плодородие. Идея плодородия, которая пронизывает традиционный календарь любого народа, в тверской календарной обрядности обогащена реликтовыми проявлениями змеино-го культа.

Змеиные мотивы в тверском народном календаре

Ранневесенняя обрядность. При осмыслении образа змеи в славянской календарной культуре стоит вспомнить о том, что сельскохозяйственный аграрно-пастушеский календарь является важным элементом архаичной картины мира всех славянских народов. В соответствии с ним год делится на зимнюю и летнюю половины. Помимо основных астрономических точек этих двух полугодий (зимний и летний солнцевороты), народный календарь отмечает дни осеннего и весеннего равноденствия, которые соответствуют церковным датам Воздвиженья (14 сентября) и Благовещенья (25 марта). Как отмечает Н. И. Толстой, это те рубежи, «когда земля <...> “пробуждается ото сна” и “отходит ко сну”, к зимней спячке. Почти у всех славян эти дни связаны с культом змей. На Благовещенье змеи выходят из земли, а на Воздвиженье они уходят в землю» [20, с. 152].

Время пробуждения земли от зимней спячки в тверском календаре в народной традиции ритуально отмечено пристальным вниманием к теме прилета птиц, их гнездования и выведения потомства. Все обследованные нами районы Тверской области демонстрируют богатую ритуальную ранневесеннюю атрибутику, в которой представлена, прежде всего, тестяная орнитоморфная выпечка: птицы в самом разном исполнении — летящие, сидящие, с соломинкой в клюве, на гнезде, гнезда с яичками, птенцы на спинах птиц и т. п. [16, с. 199–205; 17, с. 28–43; 18, с. 119–130].

Кроме орнитоморфной выпечки в тверской ранневесенней календарной зоне зафиксированы многочисленные вербальные факты, сопровождающие обрядовую встречу и обрядовое почитание птиц. Информанты называют выпечку «жаворонками», «воробушками», «соловухами», птешками и т. п. На тверской земле зафиксированы многочисленные поверья с «птичьей» тематикой и ранневесенние заклички, которые исполнялись с соблюдением определенных обрядовых условий. На основании имеющихся фольклорно-этнографических материалов этого же сказать о «змеиной» теме нельзя. Во всяком случае прямых вербальных обрядовых «змеиных» мотивов в тверских календарных текстах нами не обнаружено.

В то же время, несмотря на это, тверская ранневесенняя выпечка богата не только образами птиц, которые возвращаются с теплых краев, но и «змеиной» тематикой. В ранневесенней обрядности нескольких районов Тверской области (Торжокский,

Осташковский, Вышневолоцкий, Кимрский, Кашинский и др.) обильно бытует выпечка со «змеиными» мотивами, т. е. по форме напоминающая змею. К такой выпечке относится печенье, изготовленное из тестяного жгута. Как уже отмечено, ни одного прямого «змеинового» названия такой выпечки не встретилось. Чаще всего это печенье называют птюшками, сороками или жаворонками, но все-таки иногда называют плетушками, плетенками, завелюшками, веревочкой, вергунами и т. п.

Здесь необходимо сделать особую оговорку. Как известно, авторитетный отечественный исследователь славянской фольклорной культуры Т. А. Агапкина в монографии, посвященной ранневесенней обрядности славян, касаясь темы змеевидной выпечки, отметила следующее: «Спиралевидных хлебов, которые чаще всего интерпретируются исследователями как изображения змеи [19, с. 123–128], в весенних хлебах, по-видимому, немного (у болгар и сербов известны так называемые “витые” караваи — в качестве пасхальных рождественских хлебов), а у восточных славян (мы можем говорить об этом со всей уверенностью) просто нет» [1, с. 269].

Наши многолетние фольклорно-экспедиционные изыскания позволяют нам дополнить фольклорно-этнографический банк данных по весеннему хлебу восточных славян материалами, изобилующими свидетельствами об исконном бытовании на территории Тверской области спиралевидной хлебной выпечки.

Собранные нами образцы «змеинового», т. е. плетеного из тестяного жгута, печенья по внешнему виду и способу изготовления можно подразделить на несколько групп: 1) «спиралью»; 2) «винтом»; 3) «узелком».

В печенье, изготовленном «спиралью», ярче всего читается образ змеи. Такое печенье имеет вид свернувшейся рептилии, но при этом в тверской обрядовой выпечке спиралевидные ранневесенние фигурки распадаются на несколько разновидностей. Одна из них — кольцо или баранка, когда оба конца жгута плотно замыкаются без обозначения хвоста и головы «змеи». Такие образцы обнаружены в Вышневолоцком и в Осташковском р-не (Иванова Мария Васильевна, 1922/2012² гг., д. Межник / д. Покровское, Осташковский р-н³); (Лялина Валентина Александровна, 1934/2012 гг., д. Залучье, Осташковский р-н); (Попова Лидия Николаевна, 1936/2010 гг., д. Шубино / д. Гарусово, Вышневолоцкий р-н).

Множественным образом представлена тверская ранневесенняя выпечка, изготовленная в форме собственно спирали (Кулагина Мария Петровна, 1929/2005 гг., д. Романово, Кимрский р-н); (Карпов Николай Михайлович 1930/2012 гг., д. Трофимовка, Краснохолмский р-н / д. Лещины, Осташковский р-н) (Илл. 7. № 1); (Гусятникова Вера Ивановна, 1925/2010 гг., д. Заселище / д. Лукино, Вышневолоцкий р-н).

Особым вариантом стилизованной змеи в обрядовом печенье является так называемая «двойная спираль». Эти образцы хлебных змеиных фигурок тоже имеют набор разновидностей от круто закрученных спиралей до простых двойных изгибов, так называемых «гуськов» (Григорьева Антонина Федоровна, 1927/2010 гг., д. Осечно, Вышневолоцкий р-н) (ил. 7, № 2); (Мосягина Анна Михайловна, 1928/2011 гг., д. Себрово, Осташковский р-н/с. Святое, Осташковский р-н); (Тюлина Нина Васильевна, 1940/2015 гг., с. Маковницы / д. Батурово, Кашинский р-н / г. Кашин); (Белоусова Нина Ивановна, 1926/2015 гг., д. Бухарино, Кашинский р-н / с. Маследка, Кашинский р-н).

² Перед косой линией стоит год рождения информанта, после косой — год записи информации.

³ Перед косой линией обозначено поселение, в котором информант наблюдал сообщаемые факты, после косой линии отмечено место записи информации. Если названо одно селение, значит, место наблюдения и место записи совпадают.

Наряду со стилизованными «змеями-спиралями» нам встретились образцы спиралевидной выпечки, в которых из тестяного жгута вылеплась змея в натуралистическом виде. В ней обозначается хвост и голова. В одних случаях голова может изображаться внутри спирали: (Карпов Николай Михайлович 1930/2012 гг., д. Трофимовка, Краснохолмский р-н / д. Лещины, Осташковский р-н) (ил. 7, № 3); (Иванова Валентина Васильевна, 1931/2012 гг., д. Черный Дор / д. Покровское, Осташковский р-н).

Другие информанты выводят змеиную голову во внешний круг спирали (Григорьева Антонина Федоровна, 1927/2010 гг., д. Осечно Вышневолоцкий р-н); (Якубенкова Надежда Федоровна, 1938/2011 гг., Торжокский р-н, ст. Льяная / Осташковский р-н, д. Чернозем) (ил. 7, № 4); (Коломейцева Вера Александровна, 1945/2014 гг., д. Горбово / пос. Сиговка, Осташковский р-н).

«Змеиное» печенье, изготовленное *винтом*, не так распространено, как вышеописанное, но является не менее интересным по своему декоративному решению. Мы располагаем, как минимум, четырьмя вариантами тверского «змеиного» винта-печенья:

1) жгут сгибается пополам, и концы жгута несколько раз перевиваются, образуя хвостик, в середине обозначается головка с глазами и носом из стебля какого-нибудь травянистого растения: (Васильева Лидия Сергеевна, 1944/2014 гг., с. Щучье, Осташковский р-н / с. Святое, Осташковский р-н);

2) жгут сгибается пополам, концы жгута несколько раз перевиваются, напоминая двух сплетшихся змей, голова специально не обозначена (информант назвал печенье «веревочкой»): (Белоусова (Белоусова) Нина Ивановна, 1926/2015 гг., д. Бухарино, Кашинский р-н / с. Маследка, дом престарелых, Кашинский р-н);

3) жгут сгибается пополам, в месте сгиба образуется петля, концы жгута несколько раз перевиваются и разводятся в противоположные стороны во вне: (Белоусова Нина Ивановна, 1926/2015 гг., д. Бухарино, Кашинский р-н / с. Маследка, Кашинский р-н) (ил. 7, № 5);

4) жгут сгибается пополам, и концы жгута налагаются один на другой, условно образуя крылья, в середине формируется нос (Лебедева Антонина Алексеевна, 1939/2014 гг., д. Чигориха / пос. Рогожа, Осташковский р-н).

Изготовление печенья *узелком*, зафиксированное на тверской земле, как и другие вышеприведенные способы, характеризуется большим разнообразием воплощения. В печенье, связанном узелком из тестяного жгута, в одних случаях сформирован очень убедительный образ птицы — надрезаны перышки на крыльях и хвосте, сформированы головка, клюв, глазки из сушеных ягод или гречи. В других случаях в птичьем облике угадывается змея. Но есть примеры, когда змеиная принадлежность свернутого узелка не вызывает сомнений.

Такое тесное взаимопроникновение образа птицы и образа змеи в весенней обрядовой выпечке выглядит неслучайным. Говоря о «легкости взаимной трансформации» змеи и птицы, исследователи отмечают, что отождествление змеи и птицы в ритуальных практиках, с одной стороны, «производится по контрасту: в определенном смысле птица и змея предельно противопоставлены друг другу, не похожи друг на друга» [21, с. 236]. С другой же стороны, «оказываются мифологически правомерными реальные основания, по которым змея отождествляется с птицей. Подмечаются их сходства: плоская, вытянутая голова; длинна, гибкая шея, как у гуся; блеск, гладкость, пестрота — соответственно перьев и чешуи; то, что обе они выводят потомство из яиц (здесь совпадает и терминология: одинаково обозначается жилище змеи и птицы — гнездо)» [21, с. 239]. Если добавить к этому сходный режим календарного пребывания птицы и змеи

на земле, т. е. весеннего пробуждения и осеннего ухода, то становится понятным сближение, переплетение, а в некоторых случаях, слияние этих образов в мифоритуальной календарной практике.

Для уяснения глубинных смыслов ранневесенних «змеиных» мотивов информативным является тот факт, что обозначая процесс изготовления ранневесенней выпечки из жгута, селяне часто употребляют слова, характерные для номинации движения змеи — верчение, кручение, плетение, витье и т. п. Совершенно очевидно, что эти движения и терминология их обозначающая связаны не только со змеиным миром, но и с прядением и ткачеством. Этим, с одной стороны, маркируется календарное время ранней весны, связанное с пробуждением змей от зимней спячки и выходом их на землю, а с другой стороны, обнаруживается генетическая связь культа змеи с культом женского божества, покровительствующего не только женскому плодородию, но и женским ремеслам, какими являются прядение и ткачество. Напомним, что в древнем славянском календаре, по мнению ученых, главным «змеиным» праздником с глубокой древности являлся день 25 марта (весеннее появление змей) и на эту же дату последовательно наслаивались праздники, связанные с древними матриархальными культурами: в восточнославянском народном календаре день 25 марта известен как традиционный аграрный праздник Матери-сырой-земли, восходящий своими истоками к культу Земли, а еще ранее — к культу женщины-прародительницы. «Между этими двумя культурами существует глубокая, до конца не выясненная связь: вспомним роль змеи в обряде инициации: если своему появлению на свет юноши были обязаны женщине, то “второму рождению” — змее» [11, с. 41–51; с. 205–214; 4, с. 114]. Идея второго рождения, обусловленного инициацией, т. е. актом рождения из чрева мифологического змеиного тотемного предка, основана на тотемических представлениях о змеином прародителе [4, с. 111]. Необходимо отметить, что представления о змее как покровительнице деторождения, которая соотносится с культом женского предка и первой женщины, представления о том, что первая женщина была божеством в образе змеи, и потому все змеи считаются священными в качестве ее земных представителей, известны многим народам мира [22, с. 352].

Хлебная выпечка со змеиными мотивами (так же, впрочем, как и с птичьими), которая до сих пор сохранилась в тверской ранневесенней ритуально-обрядовой практике, очевидно, является архаичным реликтом древнего жертвоприношения тотемическому божеству.

Масленичный обрядовый комплекс. Именно тотемические культы предков, древнейшим из которых является культ змеи, лежат в основе ряда ритуальных эпизодов дохристианской масленицы, которая, по мнению ученых, отмечалась в дни весеннего равноденствия, 20–25 марта [15, с. 264; 4, с. 104]. На протяжении многих столетий масленичный обрядовый комплекс в той или иной мере удерживал ритуалы и смыслы прошлых культов, вырастающих один из другого, наслаивающихся друг на друга и отмечаемых в одно время. Среди них — тотемический культ змеи и культ рождающей и вскармливающей женщины, оформившийся в последствии в общий культ предков.

В масленичной традиции, в том числе и тверской, поминовение предков является, пожалуй, самой рельефной, если не основной составляющей. Тот факт, что масленица была некогда поминальным праздником, отмечают многие исследователи [9, с. 124–133; 8, с. 406; 12, с. 28–29]. Среди форм почитания предков на масленице выделяются *посещение могил* родных в последний день масленицы; *обычай просить прощения у умерших*; *поминальная еда*: блины, кисель, кутья.

Однако если поминальные традиции в тверской масленице могут быть соотнесены со змеиным культом лишь весьма опосредовано, то одну из распространенных на тверской земле русских масленичных забав — игру «В змею» — можно рассматривать реликтовым тотемическим элементом древнего праздника почитания змеи как благодетельного порождающего предка. Тверская масленичная игра «В змею» связана с имитацией передвижения змеи по земле. Игровое действие насыщено свидетельствами бывшего архаичного стремления человека воспроизвести не только телодвижения и поведение тотема, но и сыграть эпизоды творительной драмы собственного рождения тотема и одновременно его порождающих усилий. В масленичной игре змея изображается не только каждым в отдельности ползущим игроком. Вся группа участников игры, взявшись друг за друга паровозиком и широко расставив ноги, изображает змею, у которой есть голова, туловище и хвост и которая во время игры «появляется», вырастает и превращается в огромное змеиное существо, в свою очередь постоянно рождающее новых змей. Причем каждый новый участник змеиной мистерии вовлекается в действие словами головного игрока («головой змеи»): «Я — змея, будешь моим хвостом?» и проползает «в коридоре» между ногами участников от головы до хвоста, т. е. через «чрево» всей «змеи». Игра устраивается на снегу, как правило, перед чучелом масленицы, и участвовать в ней могут в пределе все участники масленичного празднества. Вид этого грандиозного игрового действия невольно вызывает в памяти описание инициационных церемоний «настоящего, второго рождения» аборигенов Австралии. Магического основателя и покровителя племени в ритуале изображает или дом-туннель, или все мужчины племени, выстроившиеся в ряд друг за другом с расставленными ногами. Через это построение мальчишки-неофиты сначала «проглатываются». А после длительного и упорного обучения всему, что в жизни должен уметь человек в своем сообществе, покровитель возвращает мальчиков племени тем же путем, но уже вновь рожденными мужчинами [13, с. 22].

Зимние святки. Древнейшей ритуальной составляющей зимних святок являются, как известно, гадания. Способов гадания в традиционной пророческой практике известно великое множество. Тексты вопрошания или загадок представляют собой древние хранилища самых разных народных знаний, которые в ходе ритуалов новолетия или инициации передаются молодому поколению. Среди загадок зимнего новогодья есть и загадки, которые в своем тексте не просто упоминают змею и ужа, бывших когда-то, в далекие архаичные времена, священными, тотемическими животными: «Днем как обруч, ночью как уж, кто отгадает, будет мой муж»; «Надену — ободом сведет, сойму — змеей упадет». В этих новогодних загадках-гаданиях змея и уж отождествляются с поясом, защитное свойство которого известно всем, и именно через это сравнение новым поколениям сотнями лет передается информация о благодетельных змеиных покровителях-предках, которых когда-то почитали как своих хранителей наши древние родичи.

Выражаю глубокую признательность Ксении Викторовне Бабковской, сообщившей мне о традиции почитания ужа в зимние святочные дни, которую с детства и до конца жизни хранила ее любимая бабушка Акулина Харитоновна Кузьмина. Она своими руками изготавливала для новогодней елки верхушку в виде ужа (ил. 4). Вот дословный рассказ К. В. Бабковской: «Вязали ужа и обкручивали вокруг макушки елки вместо звезды, закручивали винтом. И глазки ему делали, и нос, как пятнышко... Бабушка говорила, что этот ужик добрый. Она называла его то змейкой, то ужиком. Конструкция — сшивная, набивная: шьется прямоугольный мешок, выворачивает-

ся, набивается плотно ватой или чем-нибудь, что попадет под руку, перевязывается нитками крест-накрест, как змеиный узор (хотя у ужа он не такой) или просто имитация чешуи, нитками отделяется головка» (Зап. от Аксины Харитоновны Кузьминой (дев. Картошкиной), 1923 г.р. (урожд. д. Мостовка Заларинского р-на Иркутской обл.) в д. Черногубово Калининский р-н Тверская обл. Соб. К. В. Бабковская. 28.12.2013. Архив К. В. Бабковской). К этому следует добавить, что в д. Черногубово А. Х. Кузьмина приехала из Сибири, а ее родители — переселенцы в начале XX в. из Белоруссии. Эта уникальная информация требует осмысления и детального изучения. Совершенно очевидно, что в белорусской народной традиции, расположенной в зоне балто-славянской культуры, следы влияния которой отмечены в нескольких районах Тверской области, до сих пор фиксируются богатые и разнообразные проявления древнего культа змеи.

К вышеизложенным материалам, связанным со змеиной тематикой, остается добавить информацию о змеиных мотивах в тверском «полотняном» фольклоре. Наиболее рельефно и множественно в вышивке представлен орнамент «спираль» и «двойная спираль». Часто спиралевидные фигуры на вышивках скрыты за растительным орнаментом, в котором змеиный мотив можно лишь предполагать. Но есть великолепные полотняные образцы, в которых сохранился формульный мифопоэтический образ змеи в корнях дерева (ил. 5, № 1). На полотенце из с. Новобернищево Торжокского р-на (ил. 5, № 2) центральная фигура полотна представлена многосоставным кустом-деревом, над которым парит царственная (с короной на голове) птице-лягушка со знаком земли на чреве (ромб с косым крестом), а по обеим сторонам куста из корня вырастают спирали, заканчивающиеся «головами змей», которые графически, орнаментально как бы именованы, названы, так как изображены знаками *земли* — ромбами с косым крестом (как известно «змея» и «земля» не просто слова одного корня; существуют фольклорные свидетельства, например, заговоры, в которых «змея и земля не отделяемы друг от друга — иногда трудно определить, к кому обращен заговор — к земле как покровительнице змеи или к змее, называемой землей», что «несомненно, свидетельствует о культе змеи и о почитании земли как божества» [7, с. 125]. Весьма выразительно представлен спиралевидный змеиный мотив на орнаментах полотенец из Осташкова. Наконец, встречаются полотенца, на которых змеи изображаются максимально натуралистично, с обозначенной головой и глазами, как это видно на полотенце (вышивка по сетке) из д. Роги, Осташковского р-на (ил. 5, № 3).

Не составляет особого труда заметить переключку орнаментальных «змеиных» формул тверских полотенец с орнаментами тверских резных наличников и тестяной выпечки. Вероятно, не случайно эти «змеиные» узоры так настойчиво и идентично повторяются в разных областях традиционного декоративного творчества, какими являются обрядовая выпечка, вышивка на полотенце и домовый декор [ил. 1а), 1б), 1в); ил. 2а), 2б), 2в); ил. 3а), 3б), 3в)].

За сохранившимися фрагментами сакрального текста со «змеиной» тематикой, которые в той или иной мере сохранились в разных зонах тверской фольклорной культуры — в орнаменте домового декора, «полотняного» фольклора, календарной ранневесенней выпечки, в украшении новогоднего дерева, в вербальных фольклорных текстах и др. — можно предполагать былую архаичную мифопоэтическую и ритуально-обрядовую систему.

В ранневесеннем календарно-обрядовом комплексе змеиная тема удержалась наряду с птичьей, хотя и практически анонимно. Судя по сохранившимся обрядовым и фольклорно-этнографическим рудиментам, в ранневесенних орнитоморфных и змеи-

ных хлебных образах отразились сложные мифопоэтические взаимопревращения змеи и птицы, которые сопровождали космологическую обрядовую драму весеннего новолетия. Дожившая до сегодняшних дней, пусть и в чрезвычайно осколочном виде, обрядовая выпечка, в том числе и со змеиной тематикой, мыслится как ритуальный атрибут священного кормления божественных сил. Змеиный орнамент в домовом декоре и в «полотняном» фольклоре довольно долго выполнял свою оберегающую, защитную функцию, но даже и после забвения своего исконного значения продолжает быть ценным и богатым источником изучения древних реалий материальной и мифопоэтической, мировоззренческой культуры наших предков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Агапкина Т. А.* Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М.: Индрик, 2000. 336 с.
- 2 *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 2. С. 509–635.
- 3 *Базлов Г. Н.* Поверья об «огненном змее» в Тверской области // Живая старина. 1996. № 4. С. 49–50.
- 4 *Власов В. Г.* Формирование календаря славян. Ранний период // Календарь в культуре народов мира: сб. ст. М.: Восточная лит., 1993. С. 102–144.
- 5 *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- 6 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Диамант, 1996. Т. IV. 683 с.
- 7 *Завьялова М. В.* Балто-славянский заговорный текст: лингвистический анализ и модель мира / Ин-т славяноведения РАН. М.: Наука, 2006. 563 с.
- 8 *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. С. 406.
- 9 *Коринфский А. А.* Народная Русь. М.: Московский рабочий, 1994. 560 с.
- 10 *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. 207 с.
- 11 *Пропн В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. 340 с.
- 12 *Пропн В. Я.* Русские аграрные праздники. СПб.: Терра-Азбука, 1995. 176 с.
- 13 *Пропн М. В.* Homo naturalis. Кто мы? Зачем мы? Куда идем? М.: Лабиринт, 2003. 320 с.
- 14 *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита // Советская археология. 1965. № 1. С. 35–36.
- 15 *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 608 с.
- 16 *Ситникова С. А.* Тверская традиционная ранневесенняя обрядовая выпечка (по материалам экспедиции в Торжокский район Тверской области) // Пятые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры»: Материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 25–26 февр. 2011 г.: в 2 ч. Челябинск: Изд-во Челябинской государственной академии культуры искусств, 2011. Ч. 2. С. 199–205.
- 17 *Ситникова С. А.* Календарная обрядность Осташковского района Тверской области: зона ранней весны // Вестник славянских культур. 2014. № 4 (34). С. 28–43.
- 18 *Ситникова С. А.* Образы тверской ранневесенней выпечки. По экспедиционным материалам Осташковского района Тверской области 2011–2014 гг. // Фоль-

- клор Большой Волги: сб. науч. ст. / сост. В. Е. Добровольская, И. В. Дынникова, А. Б. Ипполитова, М. В. Строганов. М.: Роскультпроект, 2017. С. 119–130.
- 19 *Смусин Л. С.* К вопросу о спиралевидных мотивах в русском печенье // Советская этнография. 1979. № 5. С. 123–128.
- 20 *Толстой Н. И.* Язычество древних славян // Очерки истории культуры славян. М.: Индрик, 1996. С. 145–160.
- 21 *Цивьян Т. В.* Змея = птица: к истолкованию тождества // *Цивьян Т. В.* Язык: тема и вариации: избранное: в 2 кн. / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 2008. С. 235–247.
- 22 *Штернберг Л. Я.* Айнская проблема (Представлено академиком Е. Ф. Карским в заседании Отделения Гуманитарных Наук 23 января 1929 года) // Сб. МАЭ. 1929. Т. 8. С. 334–374.

***

© 2018. Svetlana A. Sitnikova

г. Тверь, Россия

RELICTS OF THE SNAKE'S CULT IN TVER FOLK CULTURE

Abstract: The submitted article is devoted to studying of relicts of the snake's cult in Tver traditional culture and is based on material of a long-term folk-ethnographic forwarding researches of Tver region, which were conducted by the author along with the students and teachers of the department of amateur and folk arts of State Academy of Slavic Culture (Tver branch). Modern forwarding researches and last publications on the Tver traditional national culture resulted in recording of the unique material, identifying echoes of mythopoetic representations and ritual practices connected with the image of snake in a range of different zones of folk culture. The paper reveals folk and ethnographic evidences of the previously sacral connection with an image of the snake that partially remained in Tver traditional national culture, interpreted in terms of the latest scientific data. Narrative logic is determined by a selection of the Tver models of traditional arts and crafts, containing the snake motives in their design, and by traditional national calendar within which calendar fragments manifest the repercussions of the snake's cult in Tver early-spring, pancake week and winter ceremonies. The author obtained data via Tver old residents, which according to requirements of modern folklore studies is stated with the greatest possible degree of preservation of dialect features of the informants' speech and exact designation of the place and time of recording.

Keywords: Tver calendar ceremony, snake's cult, ritual cake, house decor, "linen" folklore, motives of the "snake" ornament: "spiral", "S-shaped sign", "knot", "screw".

Information about author: Svetlana A. Sitnikova — PhD in Pedagogics, Associate Professor, The Tver branch of A. N. Kosygin Russian State University, Institute of Slavic Culture, Smolensky per., 1/2, 170100 Tver, Russia. E-mail: mvgask@mail.ru

Received: February 02, 2018

Date of publication: September 15, 2018

For citation: Sitnikova S. A. Relicts of the Snake's cult in Tver folk culture. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 94–106. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Agapkina T. A. *Etnograficheskie svyazi kalendarnykh pesen. Vstrecha vesny v obriadakh i fol'klоре vostochnykh slavian* [Ethnographic connections of calendar songs. Meeting of spring in the rites and folklore of the Eastern Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 336 p. (In Russian)
- 2 Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu: v 3 t.* [Poetic views of the Slavs on nature: in 3 vols.]. Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1995, vol. 2, pp. 509–635. (In Russian)
- 3 Bazlov G. N. Pover'ia ob “ognennom zmee” v Tverskoi oblasti [Folk beliefs about the “fire snake” in the Tver region]. *Zhivaia starina*, 1996, no 4, pp. 49–50. (In Russian)
- 4 Vlasov V. G. Formirovanie kalendaria slavian. Rannii period [Formation of the calendar of the Slavs. Early period]. *Kalendar' v kul'ture narodov mira. Sb. statei* [Calendar in the culture of the world. Collection of articles]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1993, pp. 102–144. (In Russian)
- 5 Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [The symbolism of animals in Slavic folk traditions]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (In Russian)
- 6 Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. St. Petersburg, Diamant Publ., 1996. Vol. IV. 683 p. (In Russian)
- 7 Zav'ialova M. V. *Balto-slavianskii zagovornyi tekst: lingvisticheskii analiz i model' mira. In-t slavianovedeniia RAN* [Balto-Slavic conspiracy text: linguistic analysis and model of the world. The Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 563 p. (In Russian)
- 8 Zelenin D. K. *Vostochnoslavianskaia etnografiia* [East Slavic Ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 406 p. (In Russian)
- 9 Korinskii A. A. *Narodnaia Rus'* [People's Russia]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1994, pp. 124–133. (In Russian)
- 10 Maslova G. S. *Ornament russkoi narodnoi vyshivki kak istoriko-etnograficheskii istochnik* [Ornament of Russian folk embroidery as a historical and ethnographic source]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 207 p. (In Russian)
- 11 Propp V. Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of the fairy tale]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1946. 340 p. (In Russian)
- 12 Propp V. Ia. *Russkie agrarnye prazdniki* [Russian agricultural holidays]. St. Petersburg, Terra-Azbuka Publ., 1995. 176 p. (In Russian)
- 13 Propp M. V. *Homo naturalis. Kto my? Zachem my? Kuda idem?* [Homo naturalis. Who are we? Why us? Where are we going?] Moscow, Labirint Publ., 2003. 320 p. (In Russian)
- 14 Rybakov B. A. Kosmogoniia i mifologiia zemledel'tsev eneolita [Cosmogony and mythology of farmers of the Eneolithic]. *Sovetskaya arxeologiya*, 1965, no 1, pp. 35–36. (In Russian)
- 15 Rybakov B. A. *Iazychestvo drevnykh slavian* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 608 p. (In Russian)
- 16 Sitnikova S. A. Tverskaia traditsionnaia rannevesenniaia obriadovaia vypechka (po materialam ekspeditsii v Torzhokskii raion Tverskoi oblasti) [Tverskaya traditional early-spring ritual cakes (according to the materials of the expedition in Torzhok district of Tver region)]. *Piatye Lazarevskie chteniia: “Liki traditsionnoi kul'tury”*: *Materialy mezhdunar. nauch. konf. Cheliabinsk, 25–26 fevr. 2011 g.: v 2-kh ch.* [Fifth

- Lazarev readings: “The Faces of traditional culture”: Materials of the international scientific conference in Chelyabinsk, 25–26 February 2011: in 2 parts]. Cheliabinsk, Izdatel'stvo Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury iskusstv Publ., 2011, part 2, pp. 199–205. (In Russian)
- 17 Sitnikova S. A. Kalendarnaia obriadnost' Ostashkovskogo raiona Tverskoi oblasti: zona rannei vesny [Calendar rites of the Ostashkovsky district of the Tver region: an area of early spring]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2014, no 4 (34), pp. 28–43. (In Russian)
- 18 Sitnikova S. A. Obrazy tverskoi rannevesennoi vypechki. Po ekspeditsionnym materialam Ostashkovskogo raiona Tverskoi oblasti 2011–2014 gg. [Images of Tver early spring baking. Based on the expedition materials of Ostashkovsky district of Tver region 2011–2014]. *Fol'klor Bol'shoi Volgi: sbornik nauchnykh trudov* [Folklore of the Great Volga: collection of scientific articles], compiled by V. E. Dobrovol'skaia, I. V. Dymnikova, A. B. Ippolitova, M. V. Stroganov. Moscow, Roskul'tproekt Publ., 2017, pp. 119–130. (In Russian)
- 19 Smusin L. S. K voprosu o spiralevidnykh motivakh v russkom pechen'e [On the issue of spiral motives in Russian cookies]. *Sovetskaya etnografiya*, 1979, no 5, pp. 123–128. (In Russian)
- 20 Tolstoĭ N. I. Iazychestvo drevnikh slavian [Paganism of the ancient Slavs]. *Ocherki istorii kul'tury slavian* [Essays on the history of the Slavs' culture]. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 145–160. (In Russian)
- 21 Tsiv'ian T. V. Zmeia=ptitsa: k istolkovaniuu tozhdestva [Snake = bird: to the interpretation of the identity]. *Iazyk: tema i variatsii: izbrannoe: v 2 kn.* [Language: theme and variations: selection: in 2 books], ed V. N. Toporov. Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 235–247. (In Russian)
- 22 Shternberg L. Ia. Ainskaia problema (Predstavleno akademikom E. F. Karskim v zasedanii Otdeleniia Gumanitarnykh Nauk 23 ianvaria 1929 goda) [Ain problem (Presented by academician E. F. Kara at the meeting of the Department of Humanities on January 23, 1929)]. *Sbornik. MAE*, 1929, vol. 8, pp. 334–374. (In Russian)